

АЛЕКСАНДР АРИСТАРХ ЗАХАРОВ

Главное... Жизнь...
«THE MAIN THING... A LIFE...»

Александр АРИСТАРХ Захаров Главное... Жизнь... «THE MAIN THING... A LIFE...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40650130

ISBN 9785449627896

Аннотация

«Жизнь не выбирают!» – скажете вы. «Ею живут! Ведь жизнь – это главное!» – парирует на это простая, на первый взгляд, провинциальная девушка по имени Милиса. Мало кому удаётся пережить те ситуации, что ломают любое благополучие, те проделки коварных «друзей» и преданных врагов, что толкают покончить с собой, предательство родных и просто близких людей. Воспитают ли трудности в ней дух сильного человека? Кем же станет сама Милиса, поиграв в игру под названием «жизнь» и увидев ее во всех гранях?

Содержание

АВТОРСКАЯ ЗАМЕТКА – НАЧАЛО	7
Часть 1 «Это было давно...»	9
Глава №1 Рождение, или 168 сантиметров назад	11
Глава №2 Свет и тьма	22
Глава №3 Дорого то, чего уже нет	33
Глава №4 Ветер перемен	40
Глава №5 Жизнь в сумерках	45
Глава №6 Смерть – лишь начало	56
Глава №7 Хочешь насмешить Бога?	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Главное... Жизнь... «THE MAIN THING... A LIFE...»

**Александр
АРИСТАРХ Захаров**

Редактор Елена Фейербах Захарова

Редактор Вероника Кузьмина

Редактор Виктория Панова

Иллюстратор Вероника Кузьмина

© Александр АРИСТАРХ Захаров, 2019

© Вероника Кузьмина, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-2789-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОМАН-ДРАМА

«ГЛАВНОЕ... ЖИЗНЬ...»

«The Main Thing... A Life...»

Жанр: психологическая драма

Автор: Александр АРИСТАРХ Захаров

Редакторы:

Елена Фейербах (<https://vk.com/feierbakh>)

Вероника Кузьмина (<https://vk.com/id309634633>)

Виктория Панова

АВТОРСКАЯ ЗАМЕТКА – НАЧАЛО

Началось все с очень необычного для меня знакомства. Ко мне в руки совершенно случайно попала книга, которая оказалась дневником девушки по имени Александрова Милица Александровна.

Я не решился выбросить эту вещь и сохранил. Просто не привык выбрасывать в мусорное ведро чью-то историю жизни, тем более, столь увлекательную.

Из газетной вырезки, которая была приклеена к одной из страниц, я узнал следующее:

«Сегодня, по просьбам читателей, мы публикуем статью об одном из наших авторов – Александровой Милице Александровне. Она родилась в 1985 году. Получила прекрасное образование. Милица – увлеченная и творческая личность.»

Наша героиня замужем, также у нее есть младший брат, Александров Сергей Александрович. Милица с мужем являются авторами статей, опубликованных ранее в разных разделах нашей газеты. У них двое детей – мальчик Валерий и девочка Елена. Увлекается Милица очень многим, от вышивания и игры на фортепиано, до экстремальных видов спорта. По правде говоря, такой семье многие могут

позавидовать, поскольку даже в случае разногласий или ссор супруги сохраняют теплые отношения и не расходятся...»

Имя автора статьи было вырезано из листовки. Как мне показалось, кто бы ни написал эту статью, он явно не знал девушку по-настоящему. Хотя, скорее всего данная статья была написана «для галочки».

Листая дневник и разбирая записи, я заочно узнал его владелицу и решил написать о ней роман. Но для полноты сведений необходимо было не только разобрать написанное в дневнике, но и найти автора, чтобы задать ей вопросы и получить разрешение на публикацию.

Отыскав ее, я познакомился с удивительным человеком, рассказ о котором и пойдет далее.

Часть 1 «Это было давно...»

Это было давно,
Это не было сном.
Детство так далеко,
Но жила ли я в нем...
Вечный страх перед смертью
Во мне еще жив.
Я жива, я пройду,
Раз дано мне так жить...

Милице 11 лет.

Глава №1 Рождение, или 168 сантиметров назад

Моя история началась 1 августа 1985 года, когда я появилась на свет, кому-то на радость, кому-то на горе. Как видите, это случилось во времена СССР, в одном из областных роддомов нашей необъятной страны.

До этого события мои родители жили в областном центре, в муниципальной коммуналке. Провинция наша небогата. И люди в основном были сосредоточены на нескольких предприятиях.

Понять, что такое коммунальная квартира – значит окунуться в тот мир, когда очереди в туалет были большими, комнаты запирались на ключ, а кухня была местом для выяснения отношений жильцов. Много шума, много неприятных запахов, иногда тараканы и мыши. Казарма, где люди пытались жить, но у них это не всегда получалось мирно.

Поэтому, как только предприятие моего отца объявило о раздаче земли за городом и субсидиях на постройку индивидуального жилья, родители незамедлительно покинули коммуналку. Отец сам построил небольшой домик, в котором они и обосновались.

Поначалу они жили довольно скромно. Когда я родилась, затраты на содержание семьи возросли. Период до четырех лет я почти не помню, и мне мало что о нем рассказывали.

Единственное, что вспоминается, это постоянные споры родителей, в основном из-за денег, хотя это сложно сказать наверняка. Помню только, что я всякий раз пугалась, когда такие споры возникали. Когда мне исполнилось четыре года, они переросли в серьезные семейные скандалы.

Но об этом чуть позже, для начала я познакомлю вас с моими родителями.

Отец – Александров Александр Дмитриевич – высокий, сильный, широкоплечий мужчина, с голубыми глазами и светло-русыми волосами, очень красивый, к тому же, хозяйственный, с мягким характером и непьющий. На фоне его окружения, которое поголовно состояло из ненавидящих своих жен и детей алкоголиков, он явно контрастировал.

Именно отец занимался мной. Играл, учил говорить, читать, писать. Когда мог, конечно. Он же воспитал несколько основных моих качеств – честность, уверенность в себе и... наивность.

Я ждала его каждый вечер, как будто он приносит с собой праздник. По возвращении домой, я обнимала его и буквально повисала на нем. И каким бы ни было настроение, этот добрый великан всегда давал мне конфетку, брал на руки, обнимал и целовал.

Отец был профессиональным плотником. Он без проблем мог сделать «с нуля» любую мебель или починить сломанную. Минус заключался лишь в том, что с каждым годом данная профессия приносила доход в семью все меньше. На-

до сказать, что в провинциях довольно быстро передовики промышленности становились банкротами. А крах 1991 года попросту скосил все. Развал в стране также очень сильно сказался на благополучии и нашей семьи. Потому как, еще до кризиса, чтобы прокормить, одеть и обуть всех отец брался буквально за любую работу. И деньги, в общем-то, были. Только гармонии в семье все равно не было.

Моя мать – Александрова Вероника Сергеевна – женщина невероятной красоты, но с дьявольски невыносимым характером. Удивительно, как одно запросто перечеркивает другое. Она – словно темная сторона жизни, ибо в ней сочетались злоба и раздражительность, лень, коварство и хитрость, подлость, умение манипулировать, а также сильная воля. Словом, она была полная противоположность отцу.

Ее интересовала исключительно она сама, ее выгода в той или иной ситуации, но никак не то, что важно другим. При всем при этом, обладая сильными волевыми качествами, она заставляла всех плясать под свою дудку. В спорах она либо занимала жесткую оборону, либо давила своей волей, как танк. Когда я была маленькой, меня это часто доводило до слез. Иногда она даже била меня, повод ей нужен был не всегда. Но в основном ей нравилось унижать морально. Этим искусством она владела в совершенстве.

Какие-либо дела, связанные с домом, бытом и дочерью «ее угнетали», как она выражалась. Поэтому я достаивалась ее внимания лишь в трех случаях: когда в чем-нибудь прови-

нюю, когда матери было необходимо куда-то поехать, а меня было не с кем оставить, либо когда мы ходили в магазин покупать мне одежду. Последнее – единственное, что она любила делать вместе со мной. В остальном, ни внимания, ни, тем более, ласки я от нее не получала. А если лезла сама, нарывалась только на негатив.

С отцом они очень часто ругались. Поводом к ссоре могло стать все что угодно. И при этом отец выжимал из себя все, чтобы хоть как-то заработать, обеспечить семью. Мать же думала лишь о себе, о том, как ей скучно в деревне, об одежде и развлечениях... Словом, о чем угодно, кроме нас.

Случались скандалы, и ситуация все более ухудшалась по мере моего взросления. Когда родители начинали спорить, главным было не попасть под горячую руку! В такие моменты отец ничего бы не сделал, а вот от матери могло влететь так, что мало не показалось бы. Например, в три года, когда я нечаянно встряла, попросив в разгар спора игрушку, я получила такую пощечину, что потом ревела часа два, и навсегда запомнила, как мать впервые проявила агрессию ни за что.

Именно поэтому, с четырех лет меня стали отдавать в детский сад. Этому поспособствовало и то, что отец починил крышу дома воспитательницы. До садика приходилось идти почти сорок минут, он располагался рядом со школой. Позже школу построили ближе.

Когда мама вышла на работу, стало немного спокойнее,

хотя теперь она приходила уставшая, иногда работала на дому, и в эти часы в доме должна была стоять гробовая тишина. За провинность наказывали очень строго.

Сначала она работала корреспондентом в городской газете, затем даже стала редактором. Удивительно, но там ее стервозность совершенно не выбивалась из рамок, даже напротив, способствовала успешной работе, отчего ее очень ценили. Однако все заработанные деньги мать пускала на себя и работу. Например, она постоянно покупала новые фотоаппараты, проявители, объективы, бумагу... Однажды даже приобрела пишущую машинку. Она частенько обновляла гардероб. По стилю и изяществу равных ей в ближайшем окружении не было. Все женщины деревни завидовали ей черной завистью, перемывали ей косточки, а она лишь высокомерно указывала им на их место.

Хотя, пожалуй, было несколько вещей, которые она сделала для семьи – организовала проведение электричества, бурение скважины и установку титана в душе, который сконструировал отец. Но, опять же, она занялась этим только потому, что все это в первую очередь было нужно ей.

Наш дом я помню очень хорошо. Он располагался недалеко от проселочной дороги, которая впоследствии переросла в шоссе. За нашим участком был небольшой лес, и речка неподалеку, за лесом. Дом имел два этажа и крохотный чердак. Внизу была моя комната, кухня и кладовая, верхний этаж был разделен на родительскую комнату и кори-

дорчик. Позже отец пристроил несколько террас, так появились гостиная (она же место для занятий и работы), комната для хранения припасов, темная комната (для фотографий). На улице отец соорудил ещё несколько строений, где хранил разный инвентарь. Душ был отдельно.

Окна моей комнаты выходили на поле и лес, а за ним вдали виднелась вершина горы. Вид был просто чудесный. Лишь потом, когда проложили шоссе, отец обнес все плотным забором с калиткой, и вид уже не был таким живописным. Зато мы разнообразили ландшафт, посадив на участке деревья и кустарники. На высокие деревья я часто лазила, и несколько раз падала. Помню, падая, даже сломала несколько веток, и, хотя отделалась царапинами и синяками, но нагоняй от папы получила.

Моя комната была моим убежищем. Одной из ее стен служила задняя часть печи. Комната хоть и не имела замка, но хотя бы позволяла спрятаться во время скандалов или вылезти через окно на улицу. Тут были мои игрушки, которые я хранила в сундуке, книжки на самодельном стеллаже, стул, столик, кровать и вешалка. Вещи хранились в кладовке. Стены были оклеены газетами. Только когда мне исполнилось пять лет, отец наклеил поверх них бумажные обои. Картины на стены я рисовала сама и крепила на кнопки. Один раз я не смогла найти кнопки и «посадила» очередную картинку на клей. Ремня я потом получила, а рисунок так и остался «частью стены».

Лучше всего я помню те моменты, когда папа приходил по вечерам почитать мне что-нибудь. Изначально это были сказки, затем, когда я становилась старше, он читал какую-либо литературу, или просто что-то рассказывал. Обнимал, целовал на ночь... Вспоминаешь и думаешь, насколько это все-таки важно... Тогда это казалось простым, само собой разумеющимся, а сейчас жалеешь, что не можешь этого ощутить...

На большой праздник папа всегда откладывал деньги и старался устроить что-то веселое. Он говорил, что так поступал его отец. Всегда были и подарки, и сладкое, и друзья. Бесились и веселились все. Все... кроме мамы. Она практически всегда абстрагировалась от детей и либо беседовала со взрослыми, не отвлекая нас, либо, подарив подарок, как правило, совершенно глупый и незначительный, просто уходила куда-нибудь. Детское веселье и крики ее напрягали. Исходя из этого, было вполне понятно, что когда она была дома, ко мне в принципе не должны были приходить друзья и подруги, но если они все же приходили, то нам даже в моей комнате следовало говорить шепотом. Поэтому, собственно, со мной переставали дружить, или же просто очень редко заходили в гости. Дети боялись. День рождения или Новый год были единственными праздниками, когда хоть что-то менялось.

Я всегда задавалась вопросом: как же они вообще сошлись, мои родители? Два человека с абсолютно разным ми-

ровоззрением, характерами и приоритетами?

Когда я стала постарше, мне удалось узнать лишь то, что история их знакомства и свадьбы сплошь покрыта мраком. Родители крайне редко говорили о своем вступлении в брак как о приятном событии в их жизни. Но, насколько я помню, отец рассказывал мне, что мать в то время приехала из Москвы. Здесь жили ее родители, мои бабушка и дедушка. В Москве она попала в неприятную ситуацию. Поскольку она назад не уезжала и денег не зарабатывала, родители заставили ее рассказать причину приезда, а, узнав о том, что произошло, в наказание выгнали ее с позором из дома, даже без средств к существованию, напоследок добавив: «Вот и зарабатывай этим! И живи, как хочешь!». Дед довольно сильно пил, и в одной из драк с собутыльниками в местной пивнушке он получил бутылкой по голове. От чего и умер. Это все, что мне о нем было известно.

Папа к этому времени уже обратил на мать внимание, пытался завязать знакомство. Долгое время он умирал от любви к ней и молил Господа, чтобы она досталась ему. Еще бы, редкая красotka в таких краях. Парни сворачивали шеи, заглядываясь на нее, даже, если они шли под руку со своими девушками. А она ловко играла с ними, заигрывала, даже иногда специально отбивала парней, чтобы потом позорно бросить.

Он не знал (а может и не замечал), что за внешностью ангела скрывается абсолютное зло. От безысходности в тот

день моя будущая мать пошла прочь от дома в слезах. Она не ожидала от родителей такой реакции на свою откровенность, и для нее это был реальный удар. Был уже почти вечер. Неким чудесным образом она направилась именно в ту сторону, где находился дом отца. Он тогда жил со своими родителями в барачной коммуналке, а в тот день был на дне рождения у своего друга. И вот, подходя к дому, он увидел ее в слезах, идущую навстречу. Далее отец всегда прерывался. Он так и не договорил ни разу, что же он сделал дальше и как они поженились. Да и неизвестно, была ли у них любовь. Или ей некуда было деваться, или она просто опять манипулировала.

О свадьбе мне лишь известно, что она состоялась через шесть месяцев после их знакомства, и что фактически прервалась из-за сердечного приступа бабушки со стороны отца. Через месяц мой дедушка умер, ему был всего шестьдесят один год. Он был против свадьбы, но отца остановить не мог. Бабушка продержалась еще полгода, но потеря дедушки очень сильно на нее повлияла. У нее развился рак печени, и умерла она буквально за неделю в страшных муках.

После смерти дедушки, отец устроился на работу на тот самый завод. Знаний, которые передал дедушка, ему было достаточно. Среднего образования, законченного на тройки, тоже. Так они и стали жить. После смерти родителей их за чем-то переселили в другой барак, откуда потом они перебрались в свой дом в деревне. Более мне ничего не известно

о жизни своих родителей.

Ах, да... Забыла еще рассказать о моей бабушке со стороны мамы. Ее я впервые увидела в пять лет, когда они с матерью кое-как примирились, дедушка к тому времени уже умер.

Она любила все делать строго по собственным правилам. У нее был свой дом и пристройки. Она была любительницей садоводства и огородничества, а также держала немного скотины. Бесспорно, на ее столе и в запасах всегда были свежие продукты, соленья и прочее. Но в ее доме ни шагу нельзя было ступить без соблюдения правил. Как в лагере. Здесь все было строго по расписанию, а потому не оставалось лишней минуты на игры и развлечения. Мало того, если ты не успеваешь поесть в определенный срок, остатки еды отнимались. Бабушка все знала лучше остальных. Про таких сейчас говорят: «гестапо в юбке». А еще она заставляла меня одеваться в некрасивое сиреневое платье с цветочками, в котором я выглядела как привидение. Честно говоря, мне больше нравились розовая кофточка и белая юбка, купленные папой. Вообще все, что мне покупал папа, я берегла до сумасбродства, любила носить, но берегла. Вещи, которые покупала мать, были хороши, но если я их изнашивала или рвала, я так или иначе получала нагоняй, так что не было смысла над ними трепетать. Все равно ведь это то, единственное, от чего мать получала удовольствие.

Если я не слушалась, бабушка запирала меня в комнате,

где была лишь кровать и тумбочка, а на тумбочке графин с водой и кусочек хлеба. В этой комнате она все время хотела затеять ремонт, но дальше ободранных стен дело так и не двигалось. За серьезную провинность она запирала меня там на весь день и почти не кормила. Если я вылезала через окно, она секла меня розгами, как скотину. Много детских слез повидала эта комната. Она была как склеп. Окна в ней редко бывали открыты – чаще их прикрывали ставни, из-под которых днем в комнату проникал свет.

Я очень не любила к ней ездить. Она, конечно, не кричала, как мать, но вела себя как самый настоящий тиран.

В общем, не могу сказать, что семья у нас была дружная.

Но это было еще более-менее похоже на жизнь, по сравнению с тем, что стало дальше. Ибо немного позже родился мой брат – Сергей.

Глава №2 Свет и тьма

Мне исполнилось пять лет, когда родился Сережа. Отцовское внимание больше перешло к нему. Он ухаживал за сыном, как мне тогда казалось, лучше, чем за мной в его годы. Тогда он стал получать чуть больше денег, не знаю точно, как и где, но после 1991 года у него был период взлета. Он покупал брату больше игрушек и сладостей, чем мне, тратя на них иногда последние деньги. Я, конечно, ревновала (стандартная детская ревность), и иной раз даже думала, как бы навредить братику. Но всякий раз, когда я хотела напакостить, меня останавливала безумная злость матери по отношению к отцу и, в особенности, к маленькому Сереже.

Я не понимала почему, но она ненавидела Сережу всем своим естеством, даже больше, чем отца за его нехватку денег, и, может быть, доброту. Лишь позднее мне стало ясно, в чем, собственно, таился секрет ее ненависти.

Дело было в том, что мать не хотела второго ребенка, однако его желал отец. Она даже хотела пойти на аборт, но папа не дал ей этого сделать. Ну, а когда Сережа все-таки родился, то ее стало злить, что якобы она одна ухаживает за ним, а все вокруг отдыхают. Теперь папе иногда приходилось возвращаться с работы раньше времени, бросать подработки, чтобы помочь «беспомощной» матери посидеть с сыном. Он не был особо шумным, только когда испортит пеленки или

почувствует дискомфорт. К примеру, у него часто болела голова, но это выяснилось несколько позже, когда отец отнес его в больницу, чтобы узнать, почему Сережа часто плачет.

Чуть позже отец переселил его ко мне в комнату. Я к тому времени стала более спокойно относиться к брату, но все-таки еще немного ревновала.

Мать вечно попрекала отца этим ребенком, и тот иной раз готов был ударить ее за такие слова. Еще одним раздражителем были, конечно, деньги, которые отец даже при малой зарплате тратил на сына, порой занимая их у соседей и знакомых. Мать вообще больше от него денег не получала, по понятным всем, кроме нее, причинам. Родители ссорились больше прежнего. Хотя дальше уже должен быть только открытый «мордобой». Это было невыносимо слышать. Особенно учитывая, что теперь перепало и мне, если я попадалась на глаза или вставала на защиту отца, что бывало не так уж редко. Иной раз мать меня била просто от злости, и приходилось убежать и долго бродить где-нибудь по улице.

В семь лет я пошла в школу. Никогда не забуду день, когда я вошла в это небольшое, двухэтажное здание и меня сразу окутало непривычной для меня нежностью, добротой... Мне очень понравилось там, как, впрочем, и в детском саду, хотя бы только потому, что здесь никто не кричал и не ругал меня по пустякам. Мне нравилось учиться, хотя выполнять домашние задания было довольно сложно. Но приходилось приспособливаться.

Друзей у меня в школе было очень мало. Все, кто попробовал со мной дружить, со временем начинали меня сторониться, это даже не было связано с матерью, просто почему-то они считали меня странной. Хотя на то была причина. Я всегда была грустная, зажатая и мало с кем общалась. Кроме того, я не самым лучшим образом одевалась, ибо с тех пор, как я начала вставать на защиту отца и брата, мать перестала покупать мне вещи. Единственное, что я помню, так это то, что я очень нравилась одному мальчику. Он все время пытался со мной разговаривать, спрашивал, как дела, пытался утешить, и просто хотел стать мне другом. Он мне здорово помогал с учебой, частенько я у него списывала домашнюю работу и ходила к нему заниматься уроками. Во втором классе на 8 марта он подарил мне алую розу. Это был один из самых незабываемых моментов в моей жизни. Тогда я поняла, что он мне тоже нравится, а еще то, что я люблю розы. Но я вернусь немного назад в своем повествовании.

Хоть я и ревновала отца к Сереже, все равно спустя время, когда мы немного повзрослели, я полностью избавилась от чувства обиды и ревности. Мы с ним стали играть, гулять вместе. Позже я убедилась, что он намного лучше, чем я сначала считала. Я вообще очень многое стала понимать.

Брат был довольно тихим, возможно, из-за матери, и хорошим малышом. Жаль, что мать не разделяла моего мнения. Она не любила гулять не только с ним, но позже уже и со мной. А если она и выходила с Сережкой, то только

по моей просьбе, или потому, что ей это было в данный момент «по пути», например, в магазин. Как-то раз она даже сказала мне в ярости: «Иди сама, ты же уже взрослая!!!» Меня это тогда очень обидело, и назло ей я повела Сережку гулять напрямиком в лес, и часов шесть мы не возвращались. За это время мы успели погулять по лесу и окрестному поселку, дошли до школьной площадки и поиграли на ней, и даже на мои карманные деньги купили мороженого. По возвращении домой отец очень серьезно меня отругал. Однако, выслушав меня, когда я наплакалась после ремня и ругани, он пошел разбираться с матерью. Как выяснилось позже, она представила картину в своем свете – что я, забрав Сережу, ушла неизвестно куда, никого не предупредив. Отец оббегал всю деревню и уже собирался вызвать участкового, когда я появилась.

Очередная ругань, ознаменовавшаяся разбитым фотоаппаратом матери, поставила все точки над «i».

С того дня она вообще перестала заботиться о маленьком Сереже, несмотря ни на что. И мне пришлось самой для него готовить, стирать и заниматься с ним так, как учил меня отец. Сначала было очень трудно, так как было и лень, и противно, и тянуло заняться своими делами, не говоря уже об учебе, но приходилось ко всему привыкать. Мне помогал папа, но только по вечерам, если не сильно уставал на работе. Он очень на меня рассчитывал, и я не могла его подвести, вернее, боялась этого.

В итоге я тоже начала ссориться с матерью из-за того, что она не ухаживает за Сережей, а просто проводит время в свое удовольствие, когда я кручусь «как белка в колесе». Мама отвечала, что не хочет говорить об этом, либо меняла тему разговора, что меня ужасно бесило. А иногда, когда я не успокаивалась, она отвечала нецензурными выражениями, либо начиналась ругань с применением силы, где я обычно проигрывала. Ответить на ее удары я боялась.

Хуже стало к третьему классу школы, там и над уроками надо было сидеть подольше, и моя первая любовь переехал в город. Больше я его не видела, и помочь мне теперь было некому. А после школы надо было заниматься с братом и параллельно уроками. Но все же мне удалось к этому приноровиться, хотя поначалу было слишком трудно, мучили головные боли и ночные кошмары. И так продолжалось до нашего с Сережей дня рождения (по странной случайности, мы с ним родились в один день). До этого дня около четырех месяцев мать почти не спорила с отцом и со мной, наступило что-то вроде оттепели. В тот «знаменательный» день мне исполнилось десять лет, а брату – пять. С этого, собственно, и начинается история жизни и выживания.

Вечером перед днем рождения я сидела у себя в комнате и читала книгу: если не ошибаюсь, это был Джек Лондон, я его очень любила. Было четыре часа дня, когда отец с матерью отправились за покупками к празднику, перед этим предварительно поссорившись, вероятно, из-за денег. Но ко-

гда мама выходила из дома, у нее был вид опозоренной, униженной перед большим скоплением народа. Видимо отец не стал выслушивать материнские оскорбления, а сразу поставил ее на место, чего она, конечно, не ожидала.

Папа получил премию, судя по всему, не маленькую, как раньше, да и за месяц неплохо подзаработал, работая по домам в качестве мастера на все руки. Их не было около пяти часов. За это время я успела погулять с Сережей, покормить его и часов в восемь вечера уложить его спать. А сама я в это время решила вновь вернуться к чтению. Но читала я не долго. Потом вспомнила, что скоро опять придется идти в школу, где у меня на тот момент были уже довольно скверные отношения со сверстниками. Я, конечно, себя в обиду не давала, и могла в случае чего и кулаком ответить, но за это я получала массовое игнорирование и презрение, а также издевательства и насмешки.

Вообще, мое мнение о том, что школа – хорошее место, оказалось ошибочным. Я довольно быстро поняла, что школа это своего рода «зверинец», «колония для несовершеннолетних». Учителям на учеников по большому счету наплевать, ругают лишь для вида, если только серьезно не провинился кто-нибудь, а таких было немало. Эти мысли склонили меня ко сну, и около половины девятого я легла спать.

В девять часов вернулись родители. Отец раньше, мать чуть позже. Разбудила меня упавшая с кровати книга. Я быстро вскочила посмотреть, не разбудила ли я случайно

Сережку. Но нет, он спал, как ангелочек, изредка улыбаясь во сне: должно быть, ему снилось что-то приятное. У меня даже сердце сжалось, глядя на него. Ведь он в то время так мало улыбался наяву, впрочем, как и я. Хотя бы во сне он был счастлив.

Некоторое время я просто стояла и размышляла о счастье в своей жизни. Мои раздумья прервал папа, незаметно вошедший в комнату. Он подошел сзади и положил руку мне на плечо. Я машинально вздрогнула от неожиданности и обернулась:

– Ой, пап, ты меня напугал, – сказала я шепотом, чтобы не разбудить брата.

– Извини, доченька, я не хотел! Я просто зашел пожелать тебе спокойной ночи.

– Спасибо, пап! – ответила я, обнимая его.

– Кстати, почему ты не спишь? – ласково спросил он.

– А ты посмотри, – сказала я, указывая на спящего брата, – правда прелесть?

– Да, он спит, как ангел, очаровательное зрелище!

– Я даже ему немного завидую...

– Не завидуй! – добро усмехнувшись, сказал отец, – Все будет хорошо! Тебе как раз пора и самой ложиться. Перед днем рождения нужно хорошо выспаться! Спокойной ночи, милая!

– Спокойной ночи, папа!

Папа уложил меня в кровать и поцеловал. Мы еще пошеп-

тались немного. Это были пятнадцать самых счастливых минут в моей жизни, проведенных с отцом. Нам редко удавалось побыть вместе наедине. Я заснула довольно быстро, так быстро, как, наверное, никогда не засыпала.

А проснулась я из-за громкой ругани. Время было около шести утра. Я уже рефлекторно посмотрела, не проснулся ли брат, все же еще ранний час, и решила, не вмешиваясь, выяснить, почему родители ссорятся на этот раз.

Подкравшись к двери лестницы, я узнала, что покупки они все-таки делали порознь, поэтому мать не знала, что покупал отец, и не смогла его проконтролировать, как она обычно это делает. Мать купила мне один маленький и дешевый подарок, как всегда, сувенирного типа, объясняя это тем, что хотела сэкономить.

Разговор, как обычно, начала она. Отец потратил половину премии на два дорогих подарка для нас с Сережкой, да плюс на «сладкий стол», поскольку он хотел сделать праздник незабываемым. Мать потребовала невозможного: отвезти все обратно в магазин. Естественно, он не хотел этого делать и решительно ей отказал. А кто, интересно, на его месте согласился бы?

Я решила все же вмешаться, и притворилась, что только что проснулась и ничего не слышала:

– Что вы так шумите, сейчас только шесть утра!

Оба ненадолго утихли.

– Ничего, дорогая, – ответил отец, – иди пока в комнату,

я позову тебя чуть позже.

– Как скажешь... – пожав плечами, я ушла, ясно поняв, что помочь ничем не смогу.

Я вернулась к себе и опять легла в кровать. Лежа в постели и слушая «музыку» ругани, я думала, как мы будем жить дальше, если они так ругаются, да еще из-за праздника. Никакого покоя, никакого отдыха.

И вдруг я услышала громкий крик матери, от которого у меня даже сердце екнуло: «Все, я больше не могу!!! Я больше не могу так жить!!! Я подаю на развод, и дочь остается со мной!!!»

А вот отцовских слов я не услышала. Послышались громкие шаги по лестнице, внезапно открылась дверь – на пороге оказалась мать. Почти криком она приказала мне собираться.

– А что случилось? – поинтересовалась я, хотя сама прекрасно знала ответ.

На что мать ответила:

– Мы уезжаем! Немедленно! И без разговоров! Собирайся!!! – злобно добавила она.

Я испуганно стала одеваться и собирать вещи, потому что знала, что если не подчинюсь, то будет хуже. В тот момент я надеялась, что это все ненадолго, злоба пройдет, и мы, может быть, даже не выйдем из дома. От крика Сережка проснулся, протер глаза и сказал:

– Доброе утро!

– Ненавижу!!! – ответила мать сквозь зубы.

Он испугался и убежал вниз звать папу, но отец так и не поднялся. Когда я собралась, мама взяла меня за руку и вывела на крыльцо. Это уже начинало пугать. Отец взял Сережу на руки и тоже вышел. Он поставил его на землю и наклонился ко мне. Поцеловав на прощание, он скорбно сказал: «Прости, что не смог сохранить семью. Я постараюсь сделать все, чтобы ты осталась со мной. Обещаю! Верь мне!».

У меня подступил комок к горлу, и я расплакалась, обняв отца.

Он тоже обнял меня, а потом протянул мне подарок:

– С днем рождения, дорогая!

Стоящая неподалеку мать, ловя машину, увидела это и крикнула:

– Ей твоих подарков не надо!!!

Я взяла папин подарок. Сердце билось, словно хотело выпрыгнуть наружу.

Мать поймала машину, вернулась, схватила меня за руку и увела. Это уже были не шутки, она все решила окончательно. Я стала упираться и вырываться, но сразу получила несколько ударов по лицу. Мать буквально впихнула меня в автомобиль. Водитель начал защищать меня, но после тысячи рублей (по меркам того времени) замолчал.

Сережка плакал и слезно просил отца остановить все это, на что отец ответил: «Тут уже ничего не сделаешь!»

Чуть позже я поняла, что он был прав, хотя тогда мне так не показалось. Тогда я думала: «Ну почему же папа не вступится?!»

Когда машина тронулась, Сережа бросился за ней с жалобным криком: «Милиса! Я люблю тебя! Подожди меня!» Я долго смотрела со слезами на глазах на удаляющийся дом. Видела, как отец бросился за Сережей, как он сам заплакал. Я долго не могла успокоиться, мне никак не хотелось уезжать. Но матери было наплевать на мои прихоти, слезы и боль, она, как всегда, думала только о себе.

Хорошенький день рождения!

Запись в дневнике 1 августа 1995 года:

Все изменилось в течение каких-то тридцати минут... Мир будто перевернулся... А перевернется ли он обратно? Это, к сожалению, не мне решать... Возникает вопрос: а кому? Да кому угодно, только не мне. Что меня теперь ждет впереди? Сплошная тьма, надежда на лучшее, страх... Папочка! Как же мне страшно! Почему ты оставил меня? Почему не вступился? Я хочу быть только с тобой и Сережей. Забери меня!

Милиса 1.08.95

Глава №3 Дорого то, чего уже нет

После развода родителей, мы с матерью окончательно переехали к бабушке. Все-таки мать сумела доказать в суде, что ей нужна больше, чем отцу. Хотя меня там не было. Меня заперли в той страшной комнате, напоминающей склеп. Более того, отца чуть вообще не лишили родительских прав. Мать наняла адвоката и с его помощью в суде устроила «концерт с симфоническим оркестром». Его спасли лишь показания Сережи.

Отца я так больше и не видела, мать не позволила мне даже съездить с ней за мебелью, более того, она запретила мне выходить на улицу. Наверное, боялась, что я убегу. Она знала, что я на это способна, правда, позже разрешила: этому поспособствовала бабушка. Отчий дом находился не так далеко, где-то в семи-восьми километрах от нас, если идти через лес, а в обход по дорогам, шоссе – все пятнадцать-семнадцать будут. Через лес идти было опасно, можно было заблудиться, так как четкой тропы там не было, да и вообще лес был очень запущенный, сплошь в поваленных деревьях, буреломе и кустах дикой малины.

В первые месяцы у бабушки я очень тосковала по папе, по маленькому Сережке, по родному дому, лесу, речке. Сидя в своей комнате (теперь в ней стояли не только кровать и тумбочка, туда перекочевала некоторая мебель из отцов-

ского дома, и окно, наконец, открыли) я часто плакала, вспоминая былые времена. От одной мысли о том, что я больше не увижу папу и Сережу, наворачивались слезы. А тут еще бабушка донимала вопросами, мол, «почему я такая грустная», как будто сама не понимала. Хотя, наверное, не понимала... В основном, все свободное время я проводила за чтением книг, чтобы хоть как-то забыться.

В школу я не вернулась. Когда я жила в доме отца, школа (новая) находилась почти рядом, в двадцати пяти минутах ходьбы по шоссе, а теперь до нее надо было идти чуть ли не три часа, как сказала мне мать. Водить меня туда было некому, да к тому же матери было не выгодно, чтобы я виделась с отцом. Пока я сидела дома, грусть и тоска съедали меня изнутри. Даже поговорить было не с кем, некому излить душу. Это ощущение просто разрывало сердце.

Спустя несколько месяцев, ближе к зиме, мать нашла домашнего репетитора, который преподавал мне основной курс школы. Как назло преподаватель попался абсолютно равнодушный к детской психике, понимающий только плюсы, минусы, синусы, косинусы, правила, орфографию и другую ерунду. Волей-неволей все это приходилось учить. Хотя теперь мне это уже абсолютно не нравилось.

Свободного времени оставалось немного. Так прошли два года, которые были для меня просто пыткой. Меня редко когда вывозили куда-нибудь погулять, в основном приходилось торчать в саду или огороде, помогая бабушке.

У бабушки появился новый способ воздействия на меня. Теперь если я не подчинялась ее приказам, она меня розгами загоняла к скоту в свинарник и заставляла там убираться, при этом свиней она не выгоняла. А свиней я, честно говоря, боюсь до ужаса, особенно их визга. Видимо она это быстро поняла. Для меня хуже этого не было ничего, поэтому приходилось подчиняться и работать в огороде и саду. И не дай бог плохо сделать работу – либо выпорет, либо запрёт в комнате, либо опять загонит к скотине. Один раз бабушка еще и при мне стала закалывать поросенка. У меня сначала была истерика до вечера, потом около месяца мучили кошмары, а визг свиней с того времени стал для меня еще более резким и омерзительным. Не говоря о том, что я теперь бабушку вообще убийцей считала и начинала трястись, когда она ко мне подходила.

Мать и тут любила поскандалить. А как только я вступала с ней в конфликт, тут же на помощь подключалась бабушка, и мне приходилось подчиняться, чтобы не наказывали снова. Это и так происходило минимум один-два раза в сутки. До расстройства личности было рукой подать, не говоря уже про мысли о суициде.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, свободное время у меня испарилось окончательно. Все потому, что помимо учебы с тем самым преподавателем, которого я за два года уже видеть не могла, мама стала меня учить репортерскому мастерству и фотографии. Заодно она рассказала о том,

как печатаются газеты, как они выходят в свет и так далее. В общем, она учила меня всему необходимому для репортера и редактора. Сначала меня это не увлекало, так как я еще всерьез не думала о том, кем я стану в будущем, а потом, взглянув на это с другой стороны, я заинтересовалась, ведь все время учиться с преподавателем – ужасно скучно. Как раз тогда мать меня впервые сфотографировала, чтобы продемонстрировать, как наводить фокус и подбирать правильный ракурс (фотография на титульном листе). В общем, после этого я стала охотнее этим заниматься.

Позже мать стала брать меня на репортажи, это было что-то вроде практики, правда делать фотографии и беседовать с важными людьми она мне не разрешала, но всячески заостряла внимание на том, как это нужно делать, и в этом она преуспевала, репортажи у нее получались весьма интересные и красочные. Так прошел год – скучновато, угнетенно, но все же лучше, чем предыдущие два. Но даже в те моменты, когда я была с матерью довольно близка, мнения о ней я не меняла, ибо она все же продолжала срываться на мне при случае. Правда, теперь я смогла к этому адаптироваться и воспринимала всё менее болезненно.

В это время Сережке исполнилось семь лет, и он стал, помимо школы, интересоваться мастерством плотника. Естественно, отец взялся его обучать, так как видел, что парню это интересно.

Я узнала об этом из письма. Мы с отцом вели тайную пе-

реписку. Оттуда же я узнала, как прошел суд, и некоторые подробности того, почему именно так все и случилось.

Март, 1997 год:

«...Прости, Милиса. За все прости. Просто и я уже не мог больше этого терпеть. Ты ведь помнишь, что у Сережки были проблемы с речью. В общем, это опять же из-за нее. От нервной обстановки он мог вообще начать заикаться, так мне врач сказал. Я пытался с ней поговорить, наладить отношения, но ты помнишь, во что это, в конце концов, выливалось. До сих пор жалею, что не смог тебя отвоевать... Прости еще раз... Я ожидал от нее подлости, но не того, что она на суде наговорила: и что я пьяница, и что я ее бил, а дочь вообще ненавидел, морил голодом, да еще защитника наняла, тот вообще на меня набросился, как собака. Хорошо, что Сережка там был, он-то все и развеял. Но суд решил нас разлучить.

Я все же верю, что все изменится, и мы увидимся. Я бы все отдал за то, чтобы хотя бы день с тобой побыть.

Сережка тоже скучает. Первые несколько месяцев он только со мной в комнате спал, на раскладушке. Входил в вашу с ним комнату, и плакать начинал. Сейчас он в школу пошел, но ему там не нравится. Почему, не говорит. Привет тебе от него! Он по тебе очень скучает! Ну что ж, до нового письма! Я тебя

люблю, доченька! Береги себя! Папа».

Позже отец писал, что учил Сережу не только мастерству плотника, но и ориентированию на местности, а также альпинизму. Они часто ходили в походы, плавали на лодке, в общем, хорошо проводили время, ведь после нашего отъезда расходы сократились, соответственно, и времени у отца стало больше. Он рассказывал, что Сережа неплохо учится, что он нашел в деревне много хороших друзей, я даже позавидовала ему. Отец писал, что очень скучает и очень хочет хоть один разок, хоть ненадолго со мной встретиться, обнять, поговорить...

Когда я читала письма, я в душе была рада, что у них все хорошо, что они здоровы и хорошо проводят время. Вообще отец уделял много времени Сережке, в отличие от матери, которая уделяла мне меньше внимания. Мать часто была занята, или, как она говорила, слишком сильно уставала даже для разговора, хотя по ней было не видно. В общем, она редко занималась мной. Но подарки и всякие вкусности она приносила почти каждый день, чтобы я не думала, что она про меня забыла. А иначе говоря, чтобы «подмаслить». Это было довольно подозрительно! Откуда деньги? Ведь репортеры в газете, где она работала, все равно получали не миллионы, а деньги у нее были всегда. Я это знала однозначно, даже, несмотря на то, что на меня она их особо не тратила.

Запись в дневнике:

«В последнее время мать странно себя ведет.

*Уволила репетитора. Все время подарки приносит...
Стала часто на работе задерживаться... Хотя без
нее даже спокойнее.*

*Учиться все сложнее. Хорошо хоть у папы и Сережи
все нормально. 11 марта 1999 года»*

Глава №4 Ветер перемен

Через десять дней мы с матерью поехали делать репортаж, точнее, я увязалась за ней. Этот день я никогда не забуду! Там она встретила с каким-то типом, о котором мне, естественно, ничего не говорила. На вид ему было лет тридцать пять, высокий, прилично одетый. Но мне он не понравился. Ни лицом, ни повадками, в общем, ничем. Со стороны было понятно, что они знакомы давно. Разговор состоялся примерно такой:

– Привет!

– О, здравствуй! Неожиданная встреча! – ответила мать, при этом приветливо улыбаясь.

– А кто эта чудесная девочка?

– Дочь моя! А ты сегодня свободен?

– Не знал, что у тебя есть ребенок... Пока не могу сказать... Зависит от того, насколько быстро я с репортажем разберусь. А у тебя есть планы?

– Сейчас в редакцию забегу, потом я свободна!

– Ладно, как освобожусь, я подъеду! До скорого!

– Счастливо! – уходя, помахав рукой, крикнула мать.

– А кто это? – спросила, наконец, я.

– Так, знакомый. Какая тебе разница? – вскользь ответила мать.

Остаток пути в редакцию прошел в тишине. Я хотела рас-

спросить ее, но судя по всему она явно была против любого общения.

Приехав в редакцию, мать пошла сдавать материалы для статьи, а я осталась сидеть у ее стола. Тут меня все уже хорошо знали, и даже не требовали пропуск. Побыв в редакции полчаса, и пообщавшись с подружкой, весьма пышной женщиной, мать повезла меня домой. Вечером, сказав что ее сегодня долго не будет, она уехала с этим же типом на его машине, как говорится, в неизвестном направлении. Я поначалу опешила, хотя бы потому, что не знала кто это такой и сколько времени они уже вместе. Ясно, что долго, но сколько?! Теперь для меня прояснилось дело с деньгами.

Мать вернулась уже под утро. Она была переполнена радости. Это было понятно по напеву мелодии из какого-то любовного сериала, от чего я проснулась. Вообще случалось, что она не ночевала дома, не часто, но бывало. Она объясняла это тем, что работала в редакции. На утро она завалила меня подарками, которые что-то значили, так как просто так она обычно ничего не делала, да еще в таких размерах. Чтобы ее лишний раз не злить, я их взяла, и даже не вскрывая спрятала под кровать у себя в комнате.

Я вернулась в гостиную и продолжила разговор с мамой на тему – где она была всю ночь, и кто этот мужчина, с которым она эту ночь провела. Но мама отвечала невнятно. Единственное, что она произнесла с полной уверенностью, что все эти подарки от него, и что они встречаются довольно

давно (похоже, что еще до развода), и самое главное, что он ей сделал предложение, и что скоро у меня будет новый папа.

Это было уже слишком... Я не стерпела:

– А ты подумала обо мне? Согласна ли я с ним жить, или ты думала только о себе, как и тогда, когда мы уезжали?! – в возмущении воскликнула я.

Вся радость моментально сменилась на ярость и злобу:

– А что, я должна у тебя разрешение спрашивать, или может на колени встать перед тобой, моля о позволении выйти замуж?! Ты никто, ни в этом доме, ни вообще, чтобы тут голос повышать!!!

– Да ты же сама меня увезла от моего родного отца, прекраснейшего человека, ради своих, как ты сказала, желаний! Тебе вообще на всех наплевать! Ради себя только и живешь...

– Да как ты смеешь со мной так разговаривать?! (нецензурная лексика) Ты вообще из себя ничего не представляешь!!! Дрянь!!!

– Смею...

И тут я получила пощечину, такую жгучую, что аж звезды из глаз посыпались. Я упала на пол, но вслед посыпался еще удар, и еще. Из носа потекла кровь.

– Вон! Сейчас же пошла к себе в комнату, тварь маленькая! Ты здесь ноль без палочки! Ну, мы с тобой еще вечером поговорим! (нецензурная лексика) Ты у меня потом и пикнуть без разрешения не посмеешь! Я тебя породила, я те-

бя и... – добавила она, уходя, и напоследок ударила меня по спине мокрым полотенцем.

Я некоторое время сидела на коленях, смотрела на закрытую дверь, утирая кровь, и не могла поверить своим ушам: мать такого мне еще не говорила. Конечно, она говорила гадости, но все же не так. Хорошо еще бабушки в это время не было, а то бы и от нее досталось за то, что я матери перечу. Заставила бы, как обычно, заниматься домашними делами без отдыху, как рабыню, а потом без ужина заперла бы в комнате.

Я была в шоке. Слова матери снова и снова вонзались в мою душу, словно иглы, и вызвали такую боль, что я готова была упасть в обморок. Одно было очевидно: я ей не нужна! И так было всегда!

Наконец она сказала правду в лицо. Но, несмотря на то, что подобный исход предполагался, я была в шоке. Остановив кровотечение, я побрела к себе.

Вечером она мне устроила обещанный скандал, при этом вернулась еще более злая, чем ушла – готовилась, наверное. Естественно, без рукоприкладства не обошлось, хорошо, что хоть снова до крови не избил. После этого я долго не могла уснуть, да и вообще этой ночью я почти не спала. У меня не выходили из головы слова матери, произнесенные еще утром. То, что она говорила вечером, я почти не слушала, да и удары, несмотря на силу, были почти не ощутимы, болело все внутри. Она просто вымещала на мне звериную злость.

Я долго ворочалась, а как только засыпала, меня начинали мучить кошмары, где главную роль играла мать, и я сразу просыпалась. И там она умудрялась меня достать. Под утро, когда я немного оправилась от шока, мне пришла в голову мысль – бежать отсюда. Я подумала: «Почему я терплю унижения, оскорбления и побои? Надоело!.. Пошли они все!!! Лучше убегу к отцу. Пусть женятся! На здоровье!»

На рассвете, когда еще звезды мерцали на небе, я собрала вещи, оставила на кровати записку (не знаю, правда, зачем), вылезла из дома через окно и двинулась в путь. Дорогу я толком не знала, но быстро сориентировалась по прихваченной с собой карте. Наш старый дом был расположен на северо-востоке, если идти от дома бабушки по тропе, а потом необходимо было свернуть, чтобы обойти овраг и бурелом, но выяснилось это много позднее. Вот только я не знала, где искать север, восток, юг и запад.

Так что в целом я совершенно не знала, куда идти.

«Я больше не смогла вытерпеть этого! Бегу!

Отец меня ждет и приютит!

Не пойму одного – зачем я ей была нужна?

Ее копией я бы не стала в любом случае!

В общем, к черту все это! Теперь кошмар в прошлом...»

Запись в дневнике

22 сентября 1999 года

Глава №5 Жизнь в сумерках

Итак, я фактически осталась без крова. Но подсознательно чувствовала, что возвращаюсь домой. В душе ощущалась свобода, как будто я вышла из тюрьмы.

Однако эйфория была недолгой. Как дойти к отцу я не знала. От бабушкиного дома пролегали две четкие лесные дороги, не считая той, которая ведет на шоссе. Компаса у меня не было. Я подумала, что можно было бы выйти на шоссе и двинуться по нему, но тут же поняла, что просто не помню, куда идти дальше. Ведь на шоссе много ответвлений и поворотов.

Я попробовала вспомнить, как мы ехали на машине в тот злополучный день рождения. Но, так ничего и не вспомнив, я решила послушать свою интуицию и отправиться туда, куда она меня поведет: авось выберу правильный путь...

Наверное, это была одна из глупейших ошибок в моей жизни. Потому что либо внутренний голос мне солгал, либо у меня его вообще нет. Мало того, что я пошла не той дорогой и, тем более, как выяснилось позднее, вообще в другую сторону, так я еще и заблудилась после нескольких часов ходьбы по «зеленой улице». К счастью, я вышла на опушку, где оказался домик лесника. И сам лесник был вовсе не старик с бородой, как у лешего, каким он мне раньше представлялся по детским книжкам и рассказам, а парень лет два-

дцати семи. Он мне любезно помог, накормил. Правда, пришлось ему солгать, чтобы у него не возникло каких-либо дополнительных вопросов. Я сказала, что еще вчера гуляла и заблудилась. Он был несколько обеспокоен этим, ведь когда маленькая девочка одна гуляет в лесу, это у любого вызывает опасение (куда родители смотрят?), но тогда я ничего другого не смогла придумать, чтобы объяснить свое пребывание в лесу ранним утром.

Правду говорить было глупо, так как, скорее всего, о случившемся он бы поставил в известность мою мать или, что было бы хуже, отвел бы меня к ней. Он предложил мне остаться на ночь, а завтра подвезти меня на машине до нужного места. По его словам, завтра должен был приехать его дядя на машине. Но мне эта идея не понравилась, и я тут же отказалась. Попросила только указать мне дорогу на карте и сказать, в какую сторону идти. Лесник предложил меня проводить, но я опять же отказалась, добавив, что отец меня учил самой выбираться из сложных ситуаций. Пожав плечами, он согласился. Расчертив карту, он пояснил, где северо-восток и дал с собой компас, со словами: «Больше не теряйся!». Я поблагодарила его и отправилась в путь.

В итоге я оказалась у бабушкиного дома только к вечеру. Мне даже самой стало интересно, как это я так далеко забрела, что вернулась назад только сейчас. Из этого дома я хотела исчезнуть как можно быстрее, а получилось так, что не ушла ни на метр.

Я обогнула его со стороны леса, но все же заметила, заглянув за забор, что во дворе стоит та самая машина, на которой мать ездила с неизвестным мужчиной.

Все окна были раскрыты, и вдруг я услышала голоса, доносящиеся из ближайшего к забору окна. Я подкралась и решила послушать.

Надо признать, я убежала как раз вовремя. Мне удалось выяснить, что мама от меня отреклась! Она сегодня же поехала в суд и отреклась. Вот такая вот мамаша! То есть, я ей была так же не нужна, как Сережа и отец. Она бы меня все равно в детдом сдала, или даже, может, выставила бы за порог, если б я не ушла сама.

«Но для чего она меня тогда увезла от отца?» – подумала я в очередной раз, но теперь получила ответ из разговора:

– Я думала воспитать ее по-своему, но она не поддавалась... чтобы я ни делала, как бы ни приручала... плюс за нее должны были идти алименты, вот и все. Но когда они ко мне стали поступать... в таком объеме... я поняла, что это бессмысленная затея...

Ну, ничего другого я и не ожидала услышать. Вот почему она относилась ко мне на две трети – как к скотине, и лишь на треть – как к законной дочери.

Затем моя бывшая мама с ее новым женихом вышли из кухни, и, видимо, направились в спальню. К моему счастью, мать всегда закрывала окна только перед сном – с другой стороны, от этого в доме часто бывали сквозняки, и мож-

но назвать чудом то, что я редко болела. Но сейчас мне это было на руку, поскольку на кухне осталась еда: половина курицы и немного картофельного пюре. К вечеру я жутко проголодалась, а потому решила тихонько поесть и прихватить с собой съестных припасов, чего я не сделала раньше.

Без шума у меня, конечно, ничего не получилось. Я зацепила рюкзаком пустую кастрюлю, когда уже собралась уходить. Но, слава богу, я быстро выскочила из окна и нырнула в ближайшие кусты у забора. Оттуда я видела, как мама подняла кастрюлю и наглухо закрыла ставнями окно. По пути я миновала свою комнату. Заглянув в нее, я обнаружила, что моей старой мебели уже нет. Вместо нее стояла новая дорогая мебель, и даже компьютер. Я сначала подумала, что обозналась, но, увидев старую философскую пометку фломастером на подоконнике со своими инициалами – «мысль о жизни или смерти – одна и та же мысль М.А.», написанную корявым почерком, я поняла, что комната, все же, моя. Ясно, что обновы предназначались не мне, а, скорее всего, мама сделала себе что-то вроде кабинета.

Я разозлилась, но когда я немного успокоилась, меня стало клонить ко сну. Ночевать на улице оказалось не так приятно, как мне представлялось ранее. Повсюду слышались странные звуки, шорохи, голоса ночных птиц. И, как назло, у бабушки забор был только для вида, весь в дырах, да и сам еле держался. Поэтому мне было жутко страшно, особенно просыпаться ночью, но, все же, снова засыпать удавалось до-

вольно быстро.

Посреди ночи начался дождь, перешедший в грозу. К счастью, я захватила с собой непромокаемый плащ, и с помощью нескольких палок, валявшихся рядом, соорудила что-то вроде шалаша. Было сухо, но холодно, сквозняк замучил. Под звуки капающего дождя, скрутившись калачиком, я вновь уснула.

Наутро был туман и холод. Я встала, потянулась, сложила свой «шалаш», взяла вещи и двинулась в путь. Проходя мимо, я случайно заглянула в мамину комнату. То, что я там увидела, наверное, всем понятно, и не требует объяснений. Мне стало до такой степени противно, что чуть не вывернуло наизнанку. Такого разврата я еще не видела, впрочем, я вообще ничего такого не видела тогда. Я решила скорее уйти отсюда.

Утро было пасмурным, но ближе к полудню тучи разошлись, и внезапно запалило жаркое солнце. У меня, несмотря на прошлый день, темную и страшную ночь, было хорошее настроение. Я шла, думая только о встрече с отцом и братом, о том, как папа будет рад вновь увидеть меня, и мы с ним и Сережкой наконец-то пойдем в долгожданный поход. По пути мне захотелось есть и, достав припасенную со вчерашнего дня курицу, я решила перекусить на ходу. От одних только мыслей становилось светлей на душе, а еда придавала бодрости. Я шла очень быстро, мне не терпелось увидеть отца. Но на душе, помимо радости, было какое-то странное,

настораживающее волнение. Как будто я опоздала куда-то. Поэтому я не останавливалась ни на минуту и при случае старалась ускорить шаг.

И вот, наконец, спустя несколько часов, я подошла к своему родному дому, было уже около двух часов дня. Но что-то было не так. Почему-то у него выстроилась огромная толпа, сплошь из автомобилистов с шоссе и жителей ближайшего поселка.

С трудом протиснувшись сквозь эту толпу, я увидела у дома машины городской скорой помощи и пожарных. У скорой стоял плачущий Сережа и звал отца. А тот лежал на носилках без признаков жизни. Меня как током ударило, я даже не могла пошевелиться, ноги онемели и подкашивались. Медики пытались вернуть его к жизни, делали массаж сердца, но, увы, безуспешно. Старший врач, наконец, вынес вердикт: «Это безнадежно, он мертв... Черт!!! Время смерти 13:52!» – и, отойдя, закурил.

Тогда у Сережи началась истерика, и он бросился к отцу: «Папа, не умирай, пожалуйста! Не умирай! Нет!!!» А я все еще не могла прийти в себя. Это был самый кошмарный сон, ставший явью. Но лишь когда первая слеза стекла по моей щеке, я вздрогнула и, упав на колени, зарыдала, закрыв руками лицо.

Стали разгонять зевак. Но я осталась, сказав, что я его дочь, и подбежала к отцу. Сережка прижался к еще теплому телу отца, и плакал так жалобно, что, наверное, даже чело-

век с самой стойкой психикой этого не вынес бы. Я положила руку ему на плечо, он обернулся и, плача, бросился ко мне. Говорил он неразборчиво, единственное, что я смогла понять, что отец мертв. Я обняла его и попыталась успокоить. Эта боль была намного сильнее, чем все удары, оскорбления и ссоры за всю мою жизнь. Невозможно было ни скрыться от этой боли, ни заглушить ее.

В этот момент мне показалось, что прошла вечность. Тело отца накрыли простыней, погрузили в машину скорой и увезли в морг, оставив мне справку о смерти. По ней потом нужно было получить свидетельство о смерти. Я сидела на коленях, обнимая плачущего брата, и не могла поверить ни своим глазам, ни словам окружающих. Вдруг кто-то положил руку мне на плечо. Я ментально обернулась, подумав, что это отец: ладонь была такая же мягкая и теплая, как папина. Это был пожарный.

– Простите, что напугал вас, мне нужно с вами поговорить.

Хоть я и не была настроена на какой-либо разговор, но все же согласилась.

– Простите, вы сказали, что вы его дочь?

– Да, это так, – утирая слезы и, стараясь скрыть дрожь в голосе, ответила я.

– Скажите, а кем приходится Вам этот мальчик?

– Он мой родной брат! Скажите, как это все случилось? – спросила я, еле сдерживая слезы.

– Трудно определить, но мы нашли вашего отца в кладовой, вероятно именно там начался пожар, перекинувшийся после на дом. Но он умер не от огня или угарного газа...

– Как это?..

– Ну, дело в том что, медики до отъезда сообщили нам, что он умер от сердечного приступа... Пожар начался от сигареты, упавшей в лужу керосина, вероятно, разлитого по неосторожности! Вот это было у него в руке... – И он протянул мне нашу семейную фотографию, на которой я в шесть лет, отец с годовалым Сережей на руках, а место, где была мать, выгорело. Я взяла фотографию, и слезы вновь покатались из моих глаз.

– Единственное, что странно в этой истории – огонь не опалил тело... – он на секунду замолчал, поняв, что не время обсуждать странности, – Да, кстати, а у вас двоих есть еще родственники?

– Нет! – с уверенностью ответила я, что уже являлось правдой.

– А есть, у кого поселиться?

– Нет...

– Да, ситуация... Может, вы пойдете ко мне жить, у нас места хватит!

– Нет, спасибо, мы как-нибудь сами!

– Вы уверены?

– Да, спасибо за предложение...

– По правилам вас двоих должны отправить в детдом, но,

зная по себе, какая там жизнь, я вам помогу избежать этой участи. Хотя это неправильно, но там жить тоже нереально... Вы точно уверены, может, все же пойдете к нам, не можете же вы остаться на улице?!

– Нет! Не обижайтесь, но нет! Мы как-нибудь сами! – не знаю, что мной руководило в тот момент, но уж точно не здравый рассудок.

– Как хотите... Но я... Может, хотя бы временно поживете, или переночуете, ведь похороны только через три дня?! – сказал он.

Я не ответила и тихо отошла. Пожарный все понял и ушел. В то время я не могла адекватно мыслить. Команда пожарных отъехала от нашего, теперь уже бывшего, родного дома, оставив нас с Сережей одних.

Я подошла к Сереже, сидящему на полене у дерева. Он смотрел на лужу, где играли отблески солнца, и даже не замечал лучей, бьющих иной раз в глаза. Он уже не плакал, но его бросало в дрожь. Я накрыла его своей курткой, так как он был только в рубашке без рукавов и джинсах до колен, и села рядом.

– Что же мы будем делать? Одни...

– Не знаю, что-нибудь придумаем... – задумчиво, но спокойно сказала я.

Я понятия не имела что сейчас делать, и как поступить дальше. Головная боль и слабость во всем теле не давали адекватно мыслить. Мы долго сидели и временами перегля-

дывались, пока я не нарушила тишину:

– Сереж, расскажи, как все произошло, и где ты был в это время?

– Я пошел рыбачить, несмотря на плохую погоду... А отец искал для меня новое удилище... Я даже ничего не подозревал! Честно!

– Я понимаю... А что случилось дальше?

– Ну, что дальше?.. Я уронил банку с наживкой в воду, а искать ее мне не хотелось, поэтому я пошел домой, чтобы взять еще одну. Вдруг вижу дым! Я зашел за дом и понял, что кладовка горит. Стал звать папу, но никто не ответил. Я побежал к дороге, остановил машину и попросил о помощи, у водителя оказался мобильный и он вызвал пожарных и спасателей! – он умолк на минуту и продолжил. – Ох... Я вернулся и увидел, что уже полыхает весь дом. Я звал отца... Но никто не отвечал...

Он заплакал и прижался ко мне. Тут я заметила, что погода стала быстро меняться. Подул прохладный ветер, и стало уже не так тепло и ясно. Набежали тучи, закапал мелкий дождь, хотя совсем недавно пригревало по чти летнее солнце. Мы спрятались в нашем бывшем доме, правда, это едва спасло нас от дождя. Кровля обгорела и отовсюду текла вода. Но мы нашли укромный уголок, хотя там все равно было холодно. Сережка начал замерзать, я дала ему свою теплую кофту, а сама осталась в тонкой блузке, которую мне подарил папа, на тот самый день рождения. Я специально ее на-

дела перед тем, как встретиться с отцом.

Большая часть вещей в доме пришла в полную негодность, остальные промокли. Однако я кое-что все-таки нашла. В погребе остались кое-какие припасы, ими мы пообедали и поужинали. К тому же, там оказалось несколько тряпок и мешков, которыми мы укрылись, чтобы хоть как-то согреться. Усталость просто убивала меня.

Ближе к вечеру к нам заглянула одна старушка, которая предложила пожить у себя. Она представилась хорошей знакомой отца. Больше она ничего не сказала, но мы приняли ее предложение.

Глава №6 Смерть – лишь начало

На третий день после смерти папы были похороны, и опять погода была не очень хорошей. Правда, сначала гробовщики долго не шли на уступки хоронить отца в гробу, предлагая либо кремацию и сохранение в ячейке до захоронения, либо захоронение в «безликом кладбище» бесплатно (это участок кладбища, где хоронят и преступников, и бомжей и тех, кого не опознали), но нам помог тот самый пожарный. Он собрал в деревне денег и заплатил за место на кладбище, да и вообще оплатил похороны и поминки. Не знаю, почему он вообще стал помогать нам. Он ведь каждый день видит нечто подобное, а может и хуже, но впрягся за нас по полной программе, не требуя даже «спасибо».

Эти три дня и моменты похорон прошли, будто во сне. Только в очень болезненном сне. Поверить до конца в то, что случилось, было невозможно. Но когда провожаешь родного и любимого человека в гробу, приходит понимание того, что это последние моменты, когда ты его видишь. Нелегко сдерживать слезы, да и нужно ли сдерживать?..

После похорон мы вновь остались одни. От людей, которые хотели забрать нас в детдом, мы сбежали, и от той старушки тоже, не успев ее даже поблагодарить. Едва успев прихватить уцелевшие вещи и припасы из сторевшего дома, мы убежали в лес, где позже заблудились. Время незаметно по-

дошло к вечеру, и надо было где-то и как-то устроиться на ночлег.

Ночь опять выдалась холодная и мокрая – как будто в тот день, когда я спешила домой, солнце светило нам последний раз. Дождь все лил и лил, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть. Мы расположились под деревом, хотя это не спасало от непогоды так же, как и сгоревший дом. Почти отовсюду текла вода. Мы укрылись большим куском целлофана, который я прихватила с грядок отца именно для этого случая. Однако ночевать в лесу, без огня, с одним карманным фонариком – это по-настоящему страшно. Сережка почти не спал, а я не то, что не могла глаз сомкнуть, но даже, наверное, и не моргала всю ночь. От страха любой шорох чуть ли не доводил до слез, но я старалась быть сильнее страха. К утру сон все же победил, правда, всего на час. После этого до смерти болела голова.

Еще я все время думала о том, как бы Сережка не простудился. Я отдала ему почти всю свою теплую одежду, но эти мысли не отпускали меня. Я знала, что если он заболит в лесу, то выбраться с ним будет невозможно, и я потеряю единственного родственника. А тогда мне и самой жить не стоит.

Почти весь следующий день я не чувствовала ни ног, ни головы, поэтому мы часто останавливались, чтобы отдохнуть. Еще как назло кончилась вода. И дело уже приобретало серьезный характер. За все время, пока мы шли, нам никто не встретился, и мы не обнаружили ни одного жилища.

В душе я уже давно начала паниковать, но старалась не показывать это брату и делала вид, что все под контролем.

К счастью на следующее утро мы вышли к какой-то незнакомой деревне, около которой была железнодорожная платформа. Оттуда мы добрались до города, наивно полагая, что там нам помогут, или мы там устроимся лучше, чем за городом. У меня было немного денег, раньше я их пыталась скопить на фотоаппарат и красивый костюм, который я однажды увидела, когда мы были с матерью в магазине. Будь я одна, я бы и смогла устроиться где-нибудь, но вдвоем мы быстро растратили все деньги, несмотря на то, что старались экономить.

Без крова и почти без еды, в вечных скитаниях прошел месяц октябрь. Чтобы хоть что-то заработать, мы с братом носили багаж на вокзале с перрона к такси и обратно. Работа эта, прямо скажем, экстремальная. Тогда против нас были все – милиция, сотрудники вокзала, и такие же, как мы. Последние были самыми жестокими. Милиционеры и вокзальные служащие, только прогоняли нас с «рабочих мест», а бездомные ловили нас, били и принуждали работать на них и отдавать шестьдесят процентов от выручки. Выручить получалось в лучшем случае рублей двести-триста, а отдав из них рублей сто двадцать, вдвоем жить на остаток было, мягко говоря, нереально, поэтому приходилось убегать от бездомных. Лишь чудом нам удавалось не попадаться. Однако один раз все-таки нам не повезло.

В тот день нам удалось собрать пятьсот рублей, и мы хотели уже в середине дня уйти, но выход нам преградила целая свора из шести человек разного возраста, но точно моложе восемнадцати лет. Мы рванули на пути, спрыгнув с перрона, и – через стрелки к кустам, но преследователи оказались быстрее. Нас повалили на землю и несколько раз ударили ногами, отобрали у Сережки деньги и собрались уходить, пригрозив напоследок: «Еще раз появитесь здесь, забьем до смерти!!!». Я уже готова была впасть в отчаяние, но чудо все же случилось.

– Эй вы! (нецензурная лексика)!

– Что сказал??? – обернувшись, рявкнул один из обидчиков, но тут же получив дубинкой по лицу, в крови повалился на землю. Остальные хотели сначала кинуться с кулаками, но второй взмах дубинки задел по лицу еще одного, и тут уже все кинулись наутек, нецензурно бранясь.

– Ну, как вы? Целы?

– Ох... Спасибо большое! Вы нам жизнь спасли! – вставая с земли, сказала я.

– Пустяки! Идемте скорей отсюда!

Мы спешно пошли за своим спасителем-незнакомцем.

– Меня зовут Михаил, можно просто Миша! Вам есть, где жить?

– Нет, мы скитаемся...

– Никогда не зевай, иначе пропадешь! От этих отморожков добра не жди...

– Мы просто не смогли убежать...

Мы вышли на шоссе, около которого стояло старое двухэтажное здание, на вид заброшенное.

– Я тут живу. Подрабатываю дворником по соседству. И на вокзале. Однако, похоже, теперь вокзал придется бросить...

– Извините, – опустив голову, сказала я.

– Ничего! Кстати, возьми свои денежки! – ответил он и протянул наши с Сережей пятьсот рублей.

– Ой, спасибо! – я чуть не заплакала.

– Когда же вы их успели отобрать? – спросил Сережка.

– Они обронули, когда улепетывали! – усмехнулся Миша.

Так мы остановились в этом доме. До этого, как уже говорилось, мы месяц скитались без постоянного пристанища. Хуже всего дело обстояло с мытьем и вообще личной гигиеной. К счастью, мы разыскали баню и со слезами уговорили работников разрешить нам мыться после ухода посетителей хотя бы раз в неделю.

Прошло еще полмесяца. Мы даже перестали ходить на вокзал, все время помогали Мише убирать дворы. Работа эта конечно была не менее ужасная, но зато нам не приходилось больше таскать тяжести, от которых у меня болели запястья и иногда живот. Все стало потихоньку налаживаться, и я даже начала подкапливать деньги. Но как всегда счастье длилось недолго.

Вечером пятого ноября мы пришли «домой» и сели пить

чай. Через час мы легли спать. Еще часом позже хлипкая входная дверь с грохотом открылась. Мы моментально вскочили и подползли к двери. Через щель мы увидели, что в дом вбежали трое, они стали по очереди выбивать двери. Миша сказал:

– Быстро уходите! Бегите без оглядки, я их задержу!

– Но...

– Без глупостей! Бегите!

Он вышел, и трое бросились к нему. А мы, едва успев схватить вещи, выпрыгнули в окно. И побежали через кусты, затем через улицу к близлежащим домам. Забежав в первый попавшийся подъезд, мы спрятались под лестницей. Сердце колотилось так, что перехватывало дыхание. Сережка расплакался, да и у меня губы дрожали. В голове крутились только самые страшные мысли. К утру, выбравшись из подъезда, мы пошли прочь. Я так и не узнала, что случилось с Мишей. Седьмое чувство говорило мне, что возвращаться обратно опасно. Мы нашли новое пристанище в открытом подвале многоэтажки. К счастью, про него больше никто не знал, и мы там были одни.

Весь ноябрь лили дожди и мы с братом только чудом не заболели. Когда наступил декабрь, стало еще холоднее, выпал снег. А мне пришлось вновь искать работу.

Это оказалось сложнее, чем я думала. Ведь людей, которые поделятся своим куском хлеба, раз-два и обчелся, да и по возрасту я никуда не подходила. Я уже начала терять

надежду, но нам, что называется, повезло, и одни уже немолодые, но и не бедные люди (что в нашей стране редкость) взяли нас к себе.

Как-то мы покупали в магазине продукты и подслушали разговор двух пожилых подруг.

– Ну, как дочь-то?

– Уехала в Москву и с концами!

– Похоже, тебе все равно?!

– Не то, чтобы все равно, но после того, что она сделала, лучше бы не возвращалась!

– Да брось! Ну, молодая, погорячилась...

– Нет! Я знаю, что такое горячка, а что – подлость!

– Эх! А у нас как не было детей, так и помрем одни.

– Ой, хватит, Марин! Что не день, так стоны по одному и тому же поводу! Тебе еще повезло, что у тебя такой дочери нет, как у меня!

– Все равно! Не понимаешь ты меня, Люда!

– А... – собеседница махнула рукой, купила сыра и пошла на выход.

Я воспользовалась моментом:

– Простите!

– Да?.. – удивленно откликнулась пожилая женщина.

– Вы не могли бы нас на зиму приютить? Нам с братом некуда идти, и скоро будет нечего есть. Мы можем вам по дому помогать, по магазинам ходить, все что скажите...

Она отвела нас в сторону от очереди.

– Я, право, в недоумении! А вы оба откуда?

– Мы за городом жили. Но наши родители умерли, и больше родственников у нас нет.

– А детдом?

– Мы убежали!

Старушка задумалась.

– По правилам я должна вас отдать на обеспечение государства...

– Прошу вас! Не надо! Иначе мы уйдем скитаться дальше.

– Но вы не понимаете! Так у вас будет возможное будущее. Или вы никогда не найдете себе пристанища и, не дай бог, помрете на улице!

– Разве умереть в детдоме намного лучше? У нас выбор небольшой...

– Эх. Ладно! Подождите, я куплю колбаски и сосисок.

Так она взяла нас к себе. Жила она со своим мужем. Старики поначалу с большой опаской относились ко мне и Сережке, все ценное прятали. Впрочем, не удивительно, учитывая природу нашего знакомства. Особенно недоверчив был дед Миша. Но спустя неделю оба вроде бы нам поверили, даже стали отпускать за продуктами, но сдачу приказывали всю возвращать. Видимо, проверяли на честность. И мы старались их не подводить.

Кроме того, вся работа по дому легла на нас, и я не могу сказать, что эта работа из легких. Каждый день они что-нибудь выдумывали. То к ним гости приходили, то они делали

запасы на зиму, весну и лето с осенью, то еще что-нибудь. Хорошо было только то, что я научилась разным хозяйственным делам, например, готовить пищу, шить, делать уборку. Поначалу все из рук валилось, а потом стало получаться легко и быстро. Сережка немного стал разбираться в технике и электронике. Ему помог Михаил Яковлевич. В будущем это повлияло на его выбор профессии.

Поначалу было очень тяжело, но это воспитало во мне любовь к труду и настойчивость. Правда, иногда я настолько уставала, что еле доползала до раскладушки, падала на нее и моментально засыпала. Мне помогал Сережка, порой, даже когда я его не просила. Без его помощи я просто не смогла бы обойтись. Больше всего он любил накрывать на стол, если намечался обед или приходили гости.

Хозяева, несмотря на причуды, попались не слишком суровые. Не святые, но в целом неплохие. Пожурят иногда, погоняют, но ничего серьезного. Гостям они нас поначалу не показывали, и перед их приходом отправляли нас погулять. Но все-таки я вспоминаю их только добрым словом. Они вошли в нашу ситуацию, приютили, да и не ругали особо, если я что-то забуду сделать или случайно что-то разобью. Они видели мои старания и поощряли их.

За месяц совместной жизни они к нам привыкли, даже деньги стали давать просто так. Я вновь стала откладывать деньги на «черные дни», и на то, чтобы лучше одеться. Они, конечно, нас одели, но в детские вещи, ходить в которых бы-

ло смешно. Я уж даже не знаю, где они их взяли.

Новый год мы отмечали вместе. Была и свежая наряженная елка, и много вкусной еды. В общем, атмосфера была намного более праздничная, чем в предыдущие праздники, которые я проводила с мамой.

По вечерам, когда брат ложился спать, я подолгу сидела у окна и думала о жизни, вспоминала все, что было, планировала дальнейшее. И негодовала, думая о том, что с нами случилось. Почему все эти несчастья обрушились на нас с братом? Как вообще такие люди как мать и отец, могли сойтись, пожениться и завести детей? Ведь они абсолютно разные. Этого мне так и не удалось узнать. Но самый главный вопрос, который не дает мне покоя даже сейчас: «Почему хорошие люди умирают быстрее, а плохие живут до сотни лет всем назло? Что это за глупый закон?» Не понятно было и течение нашей жизни. Сначала меня забрали от отца, я сумела вернуться, только когда он умер. Потом мать от меня отказалась... И вот мы остались с Сережкой совсем одни, без еды, денег и крова. Бывало, эти мысли доводили меня до слез, но я старалась держаться, не давала себе расклеиться и опуститься в черную меланхолию. Конечно, мне было грустно и страшно, что мы совсем одни и что мы живем в этом теплом доме только одну зиму, а потом... А что будет потом? Философский вопрос.

Однажды вечером я разбирала свой рюкзачок, где хранились наши документы, фотографии из альбома отца и день-

ги. И случайно наткнулась на фотографию, которую раньше не замечала. На ней был отец, еще совсем юный, в обнимку с какой-то молодой девушкой с игривой улыбкой. Я разбудила брата и спросила:

– Сереж! Извини что бужу, но мне надо узнать...

– Что? – сонным голосом ответил Сережа.

– Кто эта девушка, рядом с отцом?

Он протер глаза, взглянул на фото и сказал:

– Если я не ошибаюсь, это папина двоюродная сестра...

– Ты ее знаешь?

– Она два раза к нам приезжала погостить. Она вроде в Москве живет.

– А ты знаешь, где, или как с ней связаться?

– Нет. У отца в записной книжке был ее телефон, но книжка вроде бы осталась дома.

– Очень плохо! Ладно... Проехали... – сказала я и встала.

Но вдруг он добавил:

– Я помню, как ее зовут, и вроде бы первые цифры номера телефона. (095) 452 Полежанова Екатерина Викторовна.

– Что ж ты раньше молчал!!! Мы бы уже давно пешком до Москвы дошли, и нам бы было, где жить! – вспыхнула я.

– Что ты кричишь?! Ну, забыл я! – ответил он угрюмо.

– Ладно... Прости. Надо узнать, где телефон, позвонить ей, и ехать в Москву. Иного выхода у нас с тобой нет. На улице мы просто умрем!

– Я слышал, что можно подать куда-то запрос, и по имени

и номеру человека найдут.

– Надо об этом узнать. Эх... Блин!

Я сильно занервничала. Мы скитались столько времени, а выход был фактически у нас под носом. Пятнадцать минут я молча ходила из стороны в сторону, не зная, чем успокоиться и вернуть трезвое мышление. Сережа видел, как я нервничаю, и боялся нарушить тишину. Впрочем, это было правильным решением, ибо тогда все бы обрушилось на него. Но спустя пятнадцать минут гнев сменился усталостью и я легла спать, Сережка тоже повернулся к стене на своей раскладушке и засопел. Лежа в темноте, перед тем, как уснуть, я думала о том, как нам быть, куда идти и где искать Екатерину. Старикам пока ничего рассказывать было нельзя, но вопрос: к кому мы могли бы обратиться?

Прошел еще месяц, прежде, чем я случайным образом нашла ответ на этот вопрос. Месяц этот прошел довольно уныло, по крайней мере для меня. В душе меня уже тянуло к новой жизни и хотелось как можно скорее к ней прикоснуться. И это меня сильно расхолаживало. Сережа оказался намного мудрее меня, и дал мне понять, что если я хочу все изменить, то нужно, по крайней мере, не забывать о сегодняшнем дне, иначе новая жизнь так и не наступит. Его слова вернули меня на землю:

– Милиса! Послушай, ты как-то странно себя ведешь! – сказал он однажды.

– Почему?

– Честно говоря, не знаю! Но дедушка и бабушка (так он, спустя три месяца стал называть стариков), немного жалуются на тебя.

– В каком смысле? Я что-то упускаю из виду?..

– Нет. Просто по твоему поведению видно, что ты как будто в тюрьме и близок срок освобождения.

– Что за глупости ты говоришь... – поначалу запротестовала я.

Выдержав паузу, он добавил:

– Мы здесь гости! А улица не за горами...

Этим он меня сразил наповал. Мне нечего было ответить. Я поняла свою ошибку, и постаралась подавить в себе чувство «птицы в клетке». На сегодня главная опасность – улица и новые скитания.

На следующий день мне нужно было закупить продукты, а брат вместе с хозяевами поехал на кладбище к их родственникам. Подходя к магазину, я увидела проезжающий автомобиль, на котором было написано «частный детектив» и указан телефон. Я запомнила его и записала, как только появилась возможность (в очереди за хозяйскими товарами). Вернувшись домой и не застав никого, я бросилась звонить:

– Частный детектив. Я вас слушаю! – послышался мужской голос.

– Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, сколько будет стоить найти человека в другом городе?

– Как вас зовут и сколько вам лет? Предупреждаю, что

наш разговор записывается.

– Александрова Милиса, мне тринадцать лет...

– Наши услуги распространяются только на граждан РФ, достигших восемнадцати лет. Если за вас могут поручиться взрослые, тогда позвоните их к телефону.

– Подождите! Это очень важно.

– Мы не можем предоставить вам услуги!

– Послушайте. У меня и моего брата не осталось никаких родственников, кроме тети, которая живет в Москве, но мы не знаем, где именно. Мы два года живем на улице и нашли временный приют только до конца зимы. Я могу заплатить... – умоляюще лгала я. Мать и бабушка-то не мертвы.

– Я вам искренне сочувствую, но по закону мы не вправе вам помогать. Извините.

Послышались короткие гудки, и я положила трубку. Я не рассчитывала на положительный ответ, но было все равно неприятно. Спустя час или два раздался телефонный звонок. Я подняла трубку:

– Александрова Милиса Александровна?

– Да.

– Это частный детектив. Я готов взяться за ваше дело.

– Но ведь мне сказали, что вы не вправе...

– Так и есть. Но просмотрев ваше дело, я понял, что вам действительно нужна помощь. Единственное условие: все останется между нами и вы мне заплатите, как за обычное дело.

– И сколько?

– Поиск человека обойдется в восемь тысяч рублей, сумма выплачивается по окончании дела.

– У нас сейчас нет таких денег, но я скоплю нужную сумму. Как с вами связаться?

– Готовы записывать?

– Да.

Он продиктовал мне номер, который, по всей видимости, был мобильным.

– Как только вы будете готовы заплатить, позвоните.

– Хорошо. Спасибо большое.

– Всего доброго.

Положив трубку, я не знала, кричать от счастья или плакать. У нас было накоплено четыре тысячи, и те планировалось пустить на другие нужды. За месяц таких денег было не собрать честным трудом, живя у пенсионеров. Поэтому передо мной встала большая проблема.

Глава №7 Хочешь насмешить Бога?

Когда брат приехал, я все ему рассказала. Он был также обескуражен, но полностью меня поддержал. С того дня я начала откладывать все деньги на достижение нашей цели. Теперь у меня был стимул продолжать жить. Так мы пережили зиму. Наступил апрель и пришла пора уходить. Хотя по большому счету никто нас выдворять и не собирался, и разговоров таких даже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.